

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИНУСКУЛЬНОГО ПИСЬМА

О происхождении современного графического типа буквенного письма (в Европе и на Переднем Востоке)

(Подготовка текста и редакция А. С. Четверухина)

Интернациональное значение латинского алфавита — его исключительная роль при выработке латинизированных письменных систем — ставит его в центр внимания науки о письме.

Современный латинский шрифт — явление далеко не однородное. Он состоит из двух резко обособленных элементов: маленьких и больших букв. Основу его составляют маленькие буквы, тогда как большим принадлежит лишь второстепенное значение — служебное. Но так было не всегда. Маленькие буквы — не что иное, как латинское письмо раннего средневековья, минускул IX–X веков, слегка подчищенный в эпоху Возрождения. Большие же буквы современного латинского шрифта — монументальное письмо римской античности (обычно в его упадочной форме) с добавлением позднейших J и V.

Логически вполне мыслимо применение одних «больших» букв мелких размеров, как мы имеем это, в известной степени, в случае русских «маленьких» букв, из числа которых только *a*, *b*, *e* по форме, а *p* и *y* — по положению отличаются от соответствующих «больших».

Вопрос о преимуществе больших или маленьких букв латинского шрифта — вопрос, несомненно, многогранный.

Для его решения необходимо широкое сотрудничество историков письма, педагогов, художников, графиков, работников типографского дела и других специалистов. На Отделе письма ИКДП лежит в пятилетие 1933–1938 гг. посильная разработка исторической части вопроса, выяснение социально-исторического лица минускула. Результаты годичной работы по подтеме — происхождение минускула — дает настоящая статья.

I

Целевая установка предпринятого исследования — выяснение социально-исторической сущности латинского минускула, однако фактически поставленная задача не может быть решена исчерпывающим образом на материале латинского письма.

Для античного периода латинской графики с достаточной полнотой известны только эпиграфические виды: письмо монументальное, «актовое», скорописное, врезанное, нацарапанное, оттиснутое на твердых или затвердевших по нанесении надписи предметах. От античного латинского письма чернилами сохранились лишь скудные остатки, тогда как именно из него и развивалась минускульная графика через предшествовавшие ей средневековые почерки, и как раз исчерпывающее представление о нем необходимо исследователю. Относительно многочисленную группу составляют короткие тексты, нанесенные краской, углем и мелом на предметах, особенно обильные на стенах домов в Помпеях. Но для нашего вопроса эти случайные пометки имеют ограниченное значение, будучи менее всего способными, по самой своей природе, выявить все возможности книжных и деловых пошибов. Античные же памятники книжных и деловых пошибов латинского письма исчисляются единицами: немного деловых папирусов и дощечек и несколько обрывков рукописей — вот все, чем располагала до сих пор наука в отношении римских книг и акта, писанных чернилами. Таким образом, наличный древний латинский материал не может пока что иметь самостоятельного значения для разработки проблемы минускула в его противоположности античному письму. Античные латинские данные могут получить надлежащее освещение только в свете другой, античной же, письменности, на материале которой интересующий нас процесс не может быть изучен с удовлетворительной полнотой.

Если бы не исключительный климат Египта, сохранивший нам в изобилии греческие папирусы, наше представление о характере книжных и деловых пошибов античности было бы более чем неполным. Также мы имеем возможность, хотя бы на примере одной из классических письменностей, греческой, проследить античные типы письма чернилами в их развитии, затем перерождение в средневековую графику.

Греческие папирусы дошли до нас в таком количестве, что мы можем создать себе ясное представление о книжных и деловых пошибах на протяжении тысячелетия, отделяющего древнейшие находки (вторая половина IV в. до н. э.) от времени образования минускула (VIII–IX вв. н. э.). При этом — что особенно ценно — все столетия от III в. до н. э. до VIII в. н. э., за исключением одного V в., представлены с удовлетворительной полнотой, II же век н. э. — даже с подавляющим богатством материала, V в. известен слабо, только по сравнению с другими периодами греческого письма на папирусе; по сравнению с античной латинской графикой на папирусе мы и тут находимся в сносном положении, зная хорошо предшествующий и последующий этапы развития в IV и VI вв.

Обилие и разносторонность греческого материала обеспечивают ему существенную роль при разработке нашей проблемы. Только исходя из изучения греческого материала мы будем в состоянии надлежащим образом оценить и скудные данные латинской древности. Эти последние, возможно, станут для нас тогда характерными намеками на то, что было, и о чем мы вправе заключить на основании греческих аналогий. Иными словами, латинские папирусы уже будут иметь для нас значение не разрозненных единичных памятников, из которых каждый свидетельствует о себе и не больше, а вещественных свидетельств об общих явлениях античных письменностей.

Может возникнуть вопрос, в какой мере палеографические выводы из греческих папирусов египетского происхождения приложимы к эллинистическому письму вообще, можно ли считать, что развитие греческого письма на Балканском полуострове, в Малой Азии, Сирии и т. д., шло, в основном, тем же путем, что и в Египте? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Аналогичных папирусов и пергаментов достоверно неегипетского происхождения сохранилось бесконечно мало, но те, что уцелели, принадлежат разным странам и периодам и, однако, при незначительных отклонениях (в формах некоторых букв или образовании отдельных лигатур), обнаруживают ту же линию развития, что и египетские тексты. Далее, в древнейших папирусах (вторая половина IV в. до н. э.) формы букв представляют собой лишь «небрежную» передачу чернилами общегреческого письма современных им надписей, в то время как непрерывная цепь развития греческого письма в Египте приводит нас вплотную к общегреческому же унциалу и затем минускулу, представленным богато и внеегипетскими памятниками. Такое полное совпадение начала и конца также свидетельствует о единстве развития греческого письма во всех странах Средиземноморья, что при тогдашних оживленных торговых, политических и культурных связях может быть признано только естественным.

Но если греческому письму при разработке проблемы принадлежит, бесспорно, видная роль, то в целях большей объективности, во избежание односторонних оценок, переоценки второстепенных моментов и, наоборот, недооценки существенных, представляется крайне желательным привлечь к изучению, хотя бы в ограниченной мере, материал письменностей, внешне отличных от античных, но обнаруживающих действительное или кажущееся сходство с ними в своем графическом развитии. В первую очередь, это относится к алфавитным семитическим письменностям. Графическое развитие семитических алфавитов имеет много общего с развитием классических письменностей, и, притом, процесс перерождения древней семитической графики протекал в тех же хронологических рамках и в том же средневековом мире, что и развитие античного письма. Правда, в отношении древней семитической графики мы находимся примерно в том же положении, что и в отношении античной латинской: обилие эпиграфического материала и ничтожное количество текстов книжного и делового письма написано чернилами. Исследователю перерождения древних семитических письменностей в средневековые

приходится сталкиваться еще с одним существенным затруднением: невозможностью ни на одной письменности целиком проследить конкретное развитие от древних форм к средневековым (хронологически исключение составляет еврейская письменность, но именно она и не развила подлинных средневековых форм, остановилась, после разрушения еврейской государственности, на древней ступени графического развития). Процесс перерождения древней графики в средневековую распадается здесь на последовательный ряд национальных письменностей, причем начало каждого нового звена обычно восстанавливается, за скудостью источников, только в общих чертах. Особенно чувствительно такое положение дела в отношении арабского письма, выведение которого из набатейского есть, в конце концов, только вероятная гипотеза. К счастью, однако, при всей разорванности картины, отдельные ее части, сопоставленные вместе, восполняют друг друга и дают сообща настолько стройное целое, что мы можем рассматривать их как последовательные типические этапы одного и того же процесса. Что касается характера материала, интересующего нас, то, как было отмечено, древние семитические письменности представлены обычно лишь эпиграфическими образцами. Отрядное исключение, при всей своей хронологической и локальной ограниченности, составляют памятники арамейского письма IX в. до н. э., многочисленные папирусы и черепки египетской иудейской колонии. В остальном наши сведения о древнем семитическом письме чернилами основываются на дедукциях из эпиграфических форм, а также чернильных надписях, нанесенных на предметы, на черепках и единичных папирусных находках. С началом средневековья памятники семитического письма чернилами, совершенно так же, как и латинского, становятся все более обильными. Для раннего арабского письма мы располагаем уже большим количеством не только пергаментных рукописей, но и папирусов.

В настоящей статье греческое письмо поставлено в центр внимания не только при обзоре античного периода, по указанным выше причинам, но и для средневековья. В последнем случае это предпочтение объясняется не скудостью латинского материала (хотя положение с ранним средневековым курсивным письмом оставляет желать много лучшего), а сложностью истории так называемых «национальных письменностей» латинского средневековья, за изучение которых автор, будучи по своей специальности далек от средневековой палеографии, не имел ни возможности, ни намерения браться.

Приступая к намеченной работе, Отделу письма приходится учитывать не только неполноту сохранившегося материала, но и почти полную или частичную неразработанность социальной истории большинства периодов, входящих в круг данного письмоведческого исследования. Если с античной Грецией и Римом дело обстоит сравнительно (но и только!) благополучно, то уже для эллинистического Востока, Северной Африки и Передней Азии даже коренной вопрос об общественной формации не вышел еще из стадии разработки. Не лучше дело обстоит и с доэллинистическим Востоком, в частности, с древними обществами, письменность которых представляет существенный интерес для нашего исследования. Даже византийское и арабское общество раннего средневековья в социально-историческом отношении рисуются еще только в тумане, лишь в самых общих очертаниях, всякая конкретизация которых вызывает споры и разногласия. Таким образом, историк-палеограф находится в далеко не завидном положении, приступая к выяснению социально-исторических корней такого надстроечного явления, как минускульный тип письма. Исследователь графики зачастую должен довольствоваться одними общими выводами и вероятными гипотезами, без желательной детализации, даже историк в области социальной истории, на данной стадии развития науки, должен во многих случаях считать себя счастливым, если может ответить на основной вопрос о формации.

II

Термин «минускул» выражает историческую противоположность минускула, «маленького» письма, его предшественника, средневековому «большому» письму, маюскулу. Но если подобная «метрическая» терминология, в общем, правильно передает

соотношение размеров каролингского минускула, с одной стороны, и капитально-унциального письма IV и следующих столетий — с другой, распространять ее в буквальном значении на минускул и античное письмо невозможно. Античное (греческое) письмо зачастую мельче обычного минускульного, и взятые в основном своем смысле термины V. Gardthousen'a «маюкульный» и «минускульный» курсивы для довизантийского и ранневизантийского деловых пошибов звучали бы насмешкой, поскольку одной из особенностей византийского курсива IV–VII вв. как раз и являются его большие размеры по сравнению с античным. В современном палеографическом словаре «минускул» фигурирует как условный термин для определенного вида письма безотносительно пространственных соотношений. Принятое определение минускула гласит, что он есть письмо по системе четырех линий, при которой «тельце» букв заключено между двумя внутренними, а отростки касаются верхней и нижней. Маюскул, наоборот, определяют как письмо, пользующееся только двумя линиями. Например, *pa, pe a* — минускул, как заключенное между четырьмя линиями, а *PA, PE A* — маюскул, как заключенное между двумя линиями. Строго говоря, это определение формально не точно, так как отдельные проявления системы четырех линий налицо иногда в маюкульных пошибах. Достаточно вспомнить многочисленные виды латинского унциала с уходящими под строку *p* и *s* и выдающимся над ней *h*. Речь, таким образом, идет о количественном различии, создающем, однако, и качественную разницу: в минускуле «хвостатых» букв больше, и хвосты больше. «Тельца» букв растянуты регулярно во всю ширину собственно строки, все возведено, так сказать, в систему и, взятое вместе, создает, несомненно, особую графическую картину. Однако, оттеняя совершенно основательно «четырёхлинейный» характер минускула, приведенное определение не содержит исчерпывающей характеристики минускульного письма как графического целого. Вменяя минускулу в заслугу «хвосты» (как дифференцирующий момент), забывают о тельцах букв, имеющих в минускуле формы, отличные от маюкульных. Мы не можем удовлетвориться определением, отрывающим от комплексного явления одну из его сторон, с тем, чтобы превратить его в самодовлеющую его характеристику вне связи с остальными графическими моментами.

Заслугой Гартхаузена является установление того факта, что греческий минускул IX в. — не что иное, как стилизованный ранневизантийский курсив, возведенный в степень книжного письма. К курсиву восходят, в конечном счете, и латинский минускул, и предшествовавший ему полуунциал. На семитической почве сирийские и арабские книжные почерки представляют в этом отношении разительную аналогию: и они являются стилизованным «четырёхлинейным» курсивом. Но у европейских минускулов есть еще одна общая черта с округлыми арабскими почерками: основу всех их составляет развитой лигатурный курсив.

Термин «курсив» прилагается к совершенно различным, по существу, графическим явлениям. Римское деловое письмо, письмо арамейских папирусов V в. до н. э. и новопунический алфавит обладают, несомненно, высокой степенью беглости: формы знаков упрощены, сокращены до того, что многие из них почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, всем этим видам графики лигатурность, по существу, чужда. Деловое письмо греческих папирусов эллинистического и римского времени в значительной мере лигатурно, но при всем том даже в наиболее лигатурных типах является лишь беглой передачей письма без лигатур. Наоборот, греческое письмо папирусов византийского периода представляет последовательное развитие лигатурного курсива. Таким же последовательным лигатурным курсивом являются деловое латинское письмо раннего средневековья, а на семитической почве — округлые арабские почерки. Развитый лигатурный курсив требует сочетания большой беглости с известной дифференцированностью буквенных форм. Античное (греческое) письмо с его исключительно четко дифференцированными основными формами букв было, пока оно исходило из этих последних, бессильно развить из себя курсив, отвечающий такому требованию. Оно должно было жертвовать, в той или иной степени, или беглостью, или

ясностью графики. Развитой лигатурный курсив отправляется уже не от геометрически четких форм, а следует своим собственным требованиям. Развитой лигатурный курсив уничтожает внутри строки детализацию (по вертикали) и угловатости. Он заставляет буквы с внутренними деталями расти за строку, создает выступы и длинные хвосты над и под ней, так что в строке остается только часть буквы, уже не детализированная. Далее, угловатости буквенных «телец», составляющих собственно строку, сглаживаются, заменяясь округлыми очертаниями, удобными для беглого лигатурного письма. Минускул представляет собою каллиграфически стилизованный развитой лигатурный курсив.

Если античное письмо в своих лигатурных пошибах являлось лигатурной передачей нелигатурного письма, то минускул, написанный взаимно не связанными буквами, был бы только лигатурной передачей лигатурного письма.

Данное определение минускула дает его графическую, но не функциональную характеристику. Однако без последней оно, конечно, не полно. Дать ее отнюдь не легко, поскольку с самого начала мы встречаемся здесь со своеобразным парадоксом. Развитой лигатурный курсив, стилизованной формой которого является минускул, свидетельствует, несомненно, о развитии письма в сторону беглости. Но развитой лигатурный курсив, «минускульный курсив Гартхаузена» — явление раннего средневековья, времени сужения экономического, политического и культурного размаха общественной жизни по сравнению с предшествующими столетиями античного периода. Обычное же объяснение «любого» курсива гласит, что его вызывает к бытию усложнение жизни общества.

Поскольку «универсальное» объяснение сразу же оказывается неприменимым, нам остается только обратиться к конкретному изучению процесса перерождения античной графики в средневековую в условиях социально-исторического развития.

III

Прежде, чем перейти к рассмотрению книжного и делового письма античности и раннего средневековья, необходимо остановиться на монументальном письме этих эпох, в котором движущие силы «феодализации» графики выразились с исключительной наглядностью и резкостью.

Противопоставление эпиграфики палеографии, основанное на различии материала, техники и, отчасти, содержания памятников, привело к полному разобщению в научном исследовании монументальной и книжно-деловой графики. В литературе можно встретить протесты против подобного рассечения единого явления письма. И, действительно, комплексное изучение монументальных, книжных и деловых пошибов как функционально различных видов одного и того же общественного явления должно оказаться весьма плодотворным для понимания каждого из них в отдельности.

Роль надписи в античном мире была совершенно иная, чем в позднейшие эпохи. Античная надпись являлась существенной формой письменного общения между свободными гражданами рабовладельческой демократии. В противоположность более аристократической рукописи, надпись, выставленная для всеобщего чтения, была тогда, при грамотности граждан, подлинным массовым видом письменности. Только огромным общественным значением надписи объясняется изумительное богатство и разнообразие сохранившихся до нас древних греческих и латинских эпиграфических памятников. Они представляют документы самого разнообразного характера: международные договоры, декреты, постановления, распоряжения государственных учреждений, правителей, муниципалитетов, коллегий, исторические, строительные, сакральные повествования, хроники, списки лиц, календари праздников, инвентари, отчеты, бесчисленные прославления отличившихся граждан, разнохарактерные посвящения, эпитафии и т. д. Расцвет, упадок и гибель античной надписи неотделимы от подъема, процветания и захирения рабовладельческой демократии: с концом последней кончается и античная эпиграфика. Связь демократии и надписи Ларфельд характеризует следующими словами, являющимися одновременно сжатым очерком истории греческой надписи: «Запись общественных законов

на камне стоит в тесной связи с укреплением демократии... Само по себе было чем-то необычайным, если административное постановление, которое могло иметь только преходящее значение, записывалось как закон. Но постановления греческих общин сохранились до нас в изобилии, в наибольшем количестве из числа всех государств от Афин, где жизнь граждан протекала преимущественно публично. С V в., времени Персидских войн и расцвета литературы, здесь, как и в других местах, возобладала склонность к графической фиксации на длительный срок. Народные постановления любого рода высекались в мраморе, а каменный архив Эллады получил свое начало. Кроме сакральных уставов и внешнеполитических определений, на камень наносились все события дня, представлявшиеся значительными демосу (например, снаряжение войска и флота)...

Убыль обнаруживается лишь в период Александра Великого, когда отдельные общины не обладали уже политическим значением. Зато возросли в несметном количестве почетные и проксенические декреты, которые составляли наибольшую часть уже более старых народных постановлений...

Больше всего расточение мрамора в эпиграфических целях обнаруживается в IV и III вв. Счетные документы и административные отчеты, инвентари храмов и корабельных арсеналов, списки военных и эфебов и т. д. писались на камне, и с охотой к письму расцвела словоохотливость, особенно в бесчисленных почетных декретах...

Постепенно, однако, примерно с 200 г. до н. э., обнаруживается движение в обратную сторону, и, наконец, поток сообщений на камне совершенно иссякает... Во-первых, уже смена греческих государственных форм римским административным организмом влекла за собою в большей степени, чем потеря греками самостоятельности при Александре, выпадение многочисленных надписей. Но интенсивную роль и почти полное исчезновение каменной письменности, становящейся все дороже на мраморе вследствие хищнической эксплуатации предшествовавших столетий, можно констатировать только начиная с позднего периода Римской империи. Она (убыль. — Ю. Я. П.) идет рука об руку с растущим объединением греческих общин и частных лиц».

Ссылка на истощение запасов мрамора, как на одну из причин окончательной гибели надписи, несостоятельна, поскольку надписи, если бы в них была нужда, писались бы на другом камне. А пример Италии, в которой, во всяком случае, мрамор не иссяк, но надпись, как общественно значительный вид письменности, все-таки погибла, убедительно показывает, что причина крылась исключительно в изменившихся социальных условиях, а материал тут ни при чем. В остальном же приведенное место из «Harbuch» Ларфельда является одной из лучших сжатых характеристик судеб античной надписи. Но если надпись цвела, хирела и умерла вместе с античной демократией, мы вправе ожидать, что и графика надписи, монументальное письмо, не осталась безучастной к превратностям судьбы этой последней.

В первой половине IV в. процесс образования единого греческого алфавита получил, в основном, свое завершение. Тесные торговые, политические и культурные связи материковых и островных центров греческого мира, сделавшие невозможным дальнейшее существование локальных алфавитов, привели к новому торжеству алфавита старого торгового города, малоазиатского города Милета, и с той поры милетский алфавит стал общепризнанным эллинским письмом. IV в. до н. э. был временем небывалого роста греческого рабовладения и цветущей порою покоящейся на нем демократии для свободных. Письменные памятники массового значения, монументальные надписи появились в колоссальном количестве, откликаясь на все явления кипучей общественной жизни. Монументальное письмо достигло высокой ступени графического и эстетического развития, сохраняя при этом деловую простоту и чистоту форм.

Оно находилось в полном соответствии с огромным значением письма, способствуя его максимальной эффективности. Наряду с основной монументальной графикой в Аттике, ввиду громадного спроса на надпись, стали применяться даже сокращенные написания отдельных знаков, являвшиеся, однако, не заимствованием из курсива, а специально

эпиграфическими сокращениями: неполными написаниями, контурами, половинками, отдельными черточками эпиграфических букв. Но с постепенным ростом числа сокращений отдельная сторона такого приема (совпадение сокращений различных букв) стала настолько ощутительной, что вызвала в первой четверти III в. до н. э. резкую реакцию, выразившуюся в изгнании усеченных форм.

После периода «эстетической» стилизации (вычурный излом вместо прямой черты, орнаментальные придатки и утолщения на концах черт), совпадающего с началом упадка греческого мира, монументальное письмо вступило в последнюю античную фазу своего развития, падающую уже на период Римской империи. Упадок рабовладельческого хозяйства, основы античной демократии для свободных, развитие феодализирующих процессов в обществе, постепенное расслоение свободных на будущих крепостников и крепостных, общее обнищание масс и аристократизация городского самоуправления и сосредоточение его в руках зажиточной верхушки — все это вело к отмиранию надписи как массового вида письменности, рассчитанного на свободных граждан, принимающих живое участие в общественной жизни.

С падением общественного значения надписи графическое оформление ее было предоставлено на произвол резчиков. Эпиграфическое письмо наводняется формами книжного, привычными для резчика еще со школьной скамьи.

Сама по себе унификация монументального и книжного письма, обособившихся с III в. до н. э., могла бы быть признана явлением прогрессивным, но дело в том, что об унификации никто и не думал. Хотя и существуют в достаточном количестве эпиграфические тексты, написанные почти или исключительно одними книжными буквами, остальная масса памятников отличается если не отсутствием книжных форм, то бессистемным употреблением их наряду с эпиграфическими. Эта беспринципность вырождающейся монументальной графики достигает своего апогея, когда архаизаторские потуги разлагающегося общества наполняют надписи старинными и мнимо-старинными знаками. Одряхлевшее античное общество в предчувствии неминуемого кризиса охотно возвращается даже в эпиграфике к формам давно минувших времен своей юности. Если эпиграфическая архаизация встречается и в более ранние периоды, то во II в. н. э. она становится обычным явлением. Наряду с воскрешением древних форм практикуется в широком масштабе искажение «под старинку» позднейших, путем замены в них округлых очертаний угловатыми. Архаизаторством занимаются даже придворные цезарей. Сановный оратор и педагог Ирод Аттик пользуется для надписей локальным аттическим алфавитом, отменным более чем за пять веков до него, а придворная дама в свите путешествующего Адриана, Бальбилла, увековечивает на статуе Мемнона свои стихи на мертвом эолийском диалекте алфавитом с дигаммой. Одновременно с имитацией старины шло «творчество» новых форм или, точнее, безответственная игра с монументальным письмом. Затейливые написания знаков с асимметричными и разобщенными чертами, длинными оконечностями и разными придатками приобретают постепенно полное право гражданства. Вскоре появляются и чисто курсивные образования, как, например, *h* для *H*. При этом классические эпиграфические буквы не отменяются, а продолжают употребляться с архаическими, архаизированными и созданными заново, а также рукописными каллиграфическими и курсивными. Все это употребляется вперемешку, и в одной и той же надписи можно встретить буквы различных эпох и пошибов. Окончательный удар этой упадочной эпиграфике нанесло средневековье: закрепощение свободного земледельческого населения, подневольная организация ремесленников в городах, превращение городского самоуправления в тяжелую повинность означали конец массовой письменности на камне и полное вырождение эпиграфического письма. Надписи византийской поры, если не считать коротких легенд на предметах, сводятся почти исключительно к эпитафиям. Эпиграфическое письмо продолжает худшие традиции монументальной графики поздней империи и вырождается в вычурную имитацию книжного унциала, пересыпанную в изобилии неудобочитаемыми лигатурами и монограммами, начавшими учащаться еще в римское

время. Прекрасную характеристику этого заключительного момента в истории греческой надписи дает Рейнах в разделе о лигатурах своего сочинения: «У византийцев, как и у арабов, монументальное письмо, и особенно эпиграфика, стало разновидностью орнаментального и декоративного искусства... Мы видим, что в византийском обществе эпиграфика не отвечает больше политическим нуждам, что ее памятники не обращаются уже к массе и перестали говорить уму, с тем, чтобы поражать только взор».

В латинской эпиграфике мы наблюдаем процесс, аналогичный развитию греческой надписи. Правда, ранние периоды каменной письменности римлян представлены достаточно слабо, и латинская эпиграфика в полном объеме начинается для нас с середины I в. до н. э., но тем не менее ввиду необозримого количественного и качественного богатства памятников история ее и за один императорский период остается весьма поучительной с точки зрения нашей темы.

Монументальное письмо времени Августа, легкое и одновременно монументальное, в полном смысле этого слова, с простыми, чистыми, правильными формами, было для последующих поколений образцом графического искусства. Весь этот пошиб являет собой деловой подход к эпиграфике: в целях максимальной эффективности надписи, существенного фактора тогдашней общественной жизни, письмо отделялось тщательно, с установкой на четкость и привлекательность. Эпиграфический пошиб времени Августа является непосредственным продолжением великолепной монументальной графики позднереспубликанского времени, от которой до нас дошло, к сожалению, так мало памятников. Он сохраняется еще в цветущем виде в течение I и II вв., но уже во II в. явственно обнаруживаются в надписях традиции совсем иного порядка.

Монументальное письмо наводняется прихотливыми формами рукописного происхождения, с отогнутыми или капризно изогнутыми горизонтальными перекладинами, с непомерно разросшимися орнаментальными частичками вверху и внизу, приводящими даже к совпадению по форме различных букв. Эти и подобные им особенности надписей на камне являются результатом массового проникновения в монументальное письмо вычурной разновидности так называемого актового письма (характерного для документов на бронзе), насколько можно судить, варианта каллиграфического рукописного пошиба. Как и в греческом письме, эти «рукописные» формы чаще всего только примешивались к монументальным, и притом в разных количествах и с разной степенью курсивности. Подобное смешивание или сплошь «курсивизированное» письмо не могло, конечно, идти в сравнение с чистым типом монументальной графики, продолжавшей существовать наряду с ним. От III в. дошли уже попытки перенесения на камень унциального письма, бывшего в ту пору, вероятно, еще новым видом рукописной графики. Чем дальше мы отходим от цветущей поры рабовладельческого Рима (позднереспубликанского периода) и основанной на рабстве демократии свободных, тем явственней упадок общественного значения надписи, тем сильнее вырождение ее графики. Конец III в. характеризуется уже глубоким упадком каменной письменности, и с той поры грубость и небрежность исполнения, непоследовательность, причудливость и произвольность форм, склонность к заимствованиям у делового письма растут в угрожающем масштабе.

История гибели как греческой, так и латинской монументальной графики обнаруживает, в основном, один и тот же процесс. Четкое и простое письмо античности расцветает, искажается и вырождается с расцветом и концом надписи как массового вида письменности, неразрывно связанного с судьбами демократии. Четкое и простое письмо эпохи развитой рабовладельческой демократии, с ее потребностями в широком эпиграфическом выражении, сменяется постепенно искажением графики в период разложения рабовладельческого общества, развития в нем феодализирующих процессов и упадка его эпиграфической культуры: монументальное письмо раннего средневековья, эпохи окончательной гибели остатков демократии рабовладельческой, закрепощения прежних свободных и смерти демократической надписи, представляет уже картину полного вырождения. Если монументальное письмо было настолько тесно связано с античной

демократией, не вправе ли мы ожидать такой же зависимости между нею и другими видами письма, только, может быть, не столь резко выраженной, поскольку надпись была массовым видом письменности, равно как и курсивное письмо их повседневного обихода. Античность с ее государственными, общественными и частными школами, обеспечивавшими грамотность и культурность свободных граждан, представляет настолько разительный контраст с последующим феодальным периодом, с неграмотностью закрепощенных масс, а иногда и подавляющего большинства эксплуататоров, что представляется вполне обоснованным искать в этой противоположности рабовладельческой демократии и аристократического феодализма объяснение коренного различия между античным и средневековым рукописным письмом; иными словами, применить опыт анализа эпиграфического развития к изучению минускула как антипода древней графики.

IV

Рукописное греческое письмо становится нам известным только со второй половины IV в. до н. э., вернее, с его исхода, так как к более раннему времени можно приурочить только папирус с «Персами» Тимофея. От конца IV и начала III вв. дошел уже целый ряд греческих папирусов. Таким образом, наши наиболее ранние сведения о рукописной эллинской графике не восходят далее того времени, когда греческая письменность стала распространяться в завоеванном Александром Египте. Это значит, что о письме книг и грамот цветущей поры эллинского общества мы можем судить только по последним, и притом достаточно скудным, представлениям этого пошиба, переросшего вскоре затем в «птолемеевскую» графику. Все, чем мы располагаем от более ранних времен для суждения о доэллинистическом рукописном письме, сводится к более или менее беглым надписям на керамике и металле и отдельным курсивным формам в монументальных текстах. Но подобных косвенных и ненадежных форм, конечно, более чем не достаточно для реконструкции подлинного облика современной им рукописной графики, так что осторожнее ограничиться одними данными древнейших папирусов.

На какой же ступени развития застаем мы в этих последних рукописную графику? Наиболее характерными особенностями этого раннего письма являются следующие: 1) близость к монументальному пошибу, 2) отсутствие существенных различий между книжным и деловым почерками, 3) отсутствие настоящих лигатур в деловом письме. Книжное и деловое письмо оказываются не чем иным, как несколько беглой передачей пером и чернилами монументальной графики с сохранением даже таких ультраэпиграфических форм, как *E*, вскоре же совершенно вытесненных округлыми *c*, как более удобными для письма на папирусе. В деловом письме обращает на себя внимание сходство его с книжным: те же формы знаков, то же отсутствие лигатур, только буквы зачастую придвинуты плотно друг к другу. Архаичность раннего письма поражает папиролога-палеографа, никак не ожидавшего ее в эпоху высокого развития литературы и оживленной политической, общественной и хозяйственной жизни. Но такое изумление обусловлено переоценкой количественной стороны общественного развития доэллинистической Греции. Экономическая, политическая и культурная жизнь протекала в узких рамках небольших государств, и о широких размерах торговли можно говорить только применительно к масштабам самой Эллады. Иными словами, размах социальной жизни, который, в первую очередь, влияет на развитие беглости в письме, был еще далеко не велик. Это объясняет нам архаический характер древнейших образцов рукописных пошибов.

С того момента, как македонское оружие проложило широкий путь греческому купцу в страны древнего Востока, и создались крупные греко-восточные государства, рост денежного хозяйства, сложность правительственного аппарата, постоянные и частые сношения внутри обширных царств должны были неминуемо привести к увеличению спроса на письмо, к развитию беглых деловых почерков. С другой стороны, превращение в новых условиях литературной и научной книги в предмет широкого международного потребления,

рост потребности в ее размножении путем организованной переписки толкали на разработку более удобного книжного письма, чем имитация пером эпиграфических форм.

В III в. до н. э. греческое деловое письмо в Египте обходилось зачастую еще разрозненными, не лигированными буквами, что в предыдущий период являлось, по видимому, общим правилом. Но в III в. частная торговая инициатива была еще относительно слабо развита в птолемеевском Египте: широкое развитие ее падает на II и особенно на I в. до н. э. Если уже от III в. до нас дошли образцы очень беглых деловых почерков, то во II в. лигатурное письмо одерживает решительную победу. Лигатура была возведена в принцип, и там, где она почему-либо не могла быть осуществлена, писец охотнее, чем прежде, вставлял черточки-перемычки между знаками. Тем не менее птолемеевская лигатурная графика не позволяла еще лигатуре свободно распоряжаться буквами: она сближала знаки, но это не мешало внутри лигатурной строки отдельным ее звеньям сохранять известную самостоятельность. Когда же средиземноморский мир сложился в одно экономическое и политическое целое в рамках хищной Римской империи, и тогдашняя «мировая» торговля достигла наивысшего развития, деловое письмо выработало почерк исключительной беглости, связывающий знаки как только можно, принося в жертву лигатуре самостоятельность букв.

Но какой бы беглости ни достигало в отдельных почерках деловое письмо птолемеевского и особенно римского периода, книжный, каллиграфический пошиб сохранял старый тип, с самостоятельными буквами, не связанными между собой лигатурой. Только буквы стали круглее, ровнее и немного курсивнее. Иначе и не могло быть. Книга была рассчитана на массового читателя. Насколько охочи были до чтения даже египетские греки, вкрапленные в толщу туземного населения, показывают многочисленные находки литературных папирусов в захолустных местечках Египта. Написанная же лигатурным деловым письмом книга была бы недоступна рядовому свободному, обученному грамоте, главным образом, на простых, не связанных буквах. Античное книжное письмо было лишь каллиграфической формой элементарного школьного письма.

Наряду со школьным, каллиграфическим и деловым пошибом, различают еще индивидуальные почерки лиц, не бывших профессиональными писцами книг или актов. С такими почерками мы знакомы как по отдельным цельным документам, так и по припискам к актам, написанным рукой профессионального писца. Материал для суждения об индивидуальных почерках особенно богат для римской эпохи, и здесь мы наблюдаем греческую графику во всем ее социальном многообразии — от беглой, неразборчивой руки сановника, не утруждавшего себя чистописанием, в расчете, что вышколенные подчиненные разберут его почерк, каким бы беглым он ни был, и до простых, не связанных букв в элементарной школьной форме, в подписях обывателей, редко берущихся за перо.

Эта шкала градаций курсивности и связанности графики в индивидуальных почерках всегда весьма поучительна.

Дело в том, что и деловое письмо даже в римскую эпоху, в которую оно достигает в отдельных пошибах исключительной беглости, представляет такие же, только более стильные, выдержанные градации от почти книжных каллиграфических почерков в обособленными буквами через смесь лигатурного и нелигатурного письма к связанному, бесконечно беглому и трудно читаемому курсиву. Эти вариации в деловом письме могут быть особенно хорошо прослежены во II в. н. э., для которого папирусный материал исключительно богат. До известной степени нечто аналогичное находим мы даже в книгах, поскольку некоторые произведения дошли до нас в копиях курсивным письмом, но здесь подобные отступления от принятого каллиграфического почерка были исключительными, терпимыми лишь в списках, сделанных для собственного употребления, или самых дешевых «изданиях».

Школьное письмо, которому обучали в школе, состояло из букв в их основной форме, без лигатур. На этих буквах учились чтению и письму, ими обычно писали всевозможные упражнения, ими же, только в каллиграфической форме, были написаны

книги, читавшиеся дома и в школе. Обучение лигатурному письму в начальной школе вряд ли шло дальше знакомства с самыми элементарными курсивами. Масса свободного греческого населения довольствовалась графикой, усвоенной в школе, с простыми, основными формами букв, не связывая их обычно между собой. Те, кому доводилось писать чаще, приобретали большой навык в курсиве и примешивали к своему нелигатурному письму в той или иной степени лигатурные сочетания. Наконец, лица, вынужденные обстоятельствами писать много, напрактиковавшись в беглом письме, охотно связывали все, что могли, лигатурой, экономя тем самым время и труд. Профессиональные деловые пошибы представляли также более стильный, вышколенный вид курсива, также с различными степенями лигатурности, в зависимости от того, насколько писец старался приблизиться к нелигатурному письму и каллиграфическому пошибу. В обществе, где большинство грамотных пользовались простыми, основными формами письма, и переход от этих последних к лигатурному курсиву осуществлялся конкретно в массовых нелигатурных почерках, лигатурный курсив не мог свободно развиваться: он слишком тесно сплетался в этом обществе с графикой без лигатур, чтобы развиться в обособленный от нее вид письма. Недоразвитый лигатурный курсив античности в последней инстанции оставался зависимым от основных форм, был лишь лигатурной редакцией нелигатурной графики, в противоположность развитому лигатурному курсиву средневековья, конструировавшемуся сообразно своим собственным принципам лигатурного письма. Типологическое единство всех видов письма составляет сущность античной графики.

С концом рабовладельческой демократии, с катастрофическим падением грамотности в обществе и превращением письменности в аристократическую привилегию кучки крепостников или примкнувших к ним общественных прослоек характер графики должен был резко измениться. Уже в III в. н. э. в деловом письме ощущаются предшественники новой фазы развития графики. Несмотря на прогрессирующий упадок и хаос в экономической, социальной и политической жизни империи, деловой пошиб начинает совершенно неожиданно для такой общественной ситуации проявлять сугубо курсивные тенденции. Для многих почерков этого времени, начиная с конца II в. н. э., характерен наклон знаков вправо: рука писца, как бы обгоняя самое себя, нетерпеливо спешит вперед. Не менее показателен и рост по вертикали отдельных знаков. Многие писцы охотнее прежнего избегают «кропотливого» написания *B*, буквы с внутренней детализацией, относительно небольших размеров: их *B* зачастую высовывается далеко за строку. То же происходит с вертикальными чертами, которые расходившейся руке удобно было проводить, не стесняясь их длиной. Перед нами первые зачатки развитого литературного курсива, зародыши минускульной графики. Но раньше, чем стать развитым лигатурным курсивом, деловое письмо должно было еще сбросить с себя зависимость от основного, школьного типа письма. Эта «эмансипация» произошла в IV в.

Отмеченные особенности деловых греческих почерков III в. знаменуют начало отхода от античной традиции в сторону сведения особой курсивной графики, не зависимой от элементарных письменных форм. Это свидетельствует об упадке письменной культуры среди свободных, при начинающемся распаде той реальной общественной связи в виде массовых посредствующих почерков, которая существовала между лигатурным курсивом и простым письмом большинства грамотных людей. Но не только закрепощаемые массы отходят культурно от писца, предоставляя его и его почерк самим себе: писец, как и они, только иным образом, подпадал под влияние нового формировавшегося класса крепостников.

В канцеляриях крупных сановников римского Египта уже во II в., а может быть, и раньше, писали особым пошибом делового письма, так называемым канцелярским письмом, имеющим, при тщательности отделки и неразвитости лигатуры, много общего и с каллиграфическим дуктусом. Это чопорное, строго выраженное письмо с большими прямыми буквами, производящее впечатление решетки из вертикальных черт, следующих друг за другом в иератической, торжественной монотонности, было призвано придать

в глазах подчиненных импозантную внешность грамотам сановников. По мере того, как вельможи и остальные их социальные сородичи, крупнейшие землевладельцы из верхней прослойки рабовладельцев, перерастали в господствующий класс крепостников, а свободные граждане превращались в бесправных крепостных, деловое письмо все более выходило из зависимости от умирающей массовой письменности, теряло демократическую простоту и подпадало под влияние нарочито стилизованного и «велеречивого» письма господ. В III в. мы наблюдаем уже во многих почерках определенную зависимость от «канцелярского» письма. Но античная демократия еще была жива в III в., и только в середине IV в., с торжеством крепостничества, канцелярское письмо могло стать на место простого античного курсива. Этот последний исчезает, и деловое письмо становится лишь курсивной передачей канцелярского пошиба, а не элементарных основных форм школьного письма. Стремление канцелярского письма к внешней импозантности получило в новом деловом пошибе дальнейшее развитие: буквы пишутся куда больших размеров, чем в скромном деловом письме древности, с исполинскими росчерками и петлями. Но не это пристрастие к пышным размашистым формам составляет интимнейшую сущность деловой графики IV в. и особенно следующих столетий — сущность этих почерков заключается в их минускульном характере.

В обществе, где основную массу населения составляли неграмотные крепостные крестьяне и подневольные ремесленники, не могло уже быть речи о народной письменности. Лигатурный курсив не сплетается уже в этом обществе с нелигатурным элементарным письмом. Те, кто теперь стали писцами, были, как правило, люди высокотренированные в письме, еще в ранней юности отошедшие от элементарных школьных форм, привилегированные грамотеи феодализирующегося общества. Под их рукою лигатурный курсив, не связанный уже общественно с нелигатурным письмом, развивается, естественно, в сторону максимального удобства для пишущего. «Кропотливая» детализация внутри строки уничтожается путем систематического вынесения частей букв над и под строку и округления в них угловатости. Такое деловое письмо не является уже лигатурным написанием основных нелигатурных форм: его структуру определяют требования связанной скорописи. Так разрабатывается развитой лигатурный курсив, минускульный курсив, по терминологии Гардтхаузена.

Аристократизация курсива отвечала аристократизации книжной графики. Античная книга, рассчитанная на широкого читателя, пользовалась ясным и четким письмом с отдельными буквами, которые, конечно, только и были пригодны для рядового свободного грека, обученного в школе, кроме них, в лучшем случае, только начаткам лигатурного письма. Характерной особенностью древнегреческой книжной графики являлось замечательное умение сочетать четкость, предполагаемую массовым назначением книги, и быстроту написания отдельных букв, обусловленную размерами спроса на книгу, которая, к тому же, не должна была быть слишком дорогой.

С закрепощением народных масс, с падением грамотности, сужением литературных и научных интересов спрос на книгу должен был катастрофически снизиться. Книга становится достоянием привилегированных, и притом в небольших количествах. Скромная внешность папирусного свитка, этой ходкой демократической книги античности, заменяется пышным великолепием пергаменных кодексов. Пергамен тончайшей выделки, иногда окрашенный в пурпур, в покрывках, осыпанных драгоценными камнями, становится носителем соответствующего ему по великолепию унциального письма, выводившегося, к тому же, в пурпурных кодексах золотыми и серебряными чернилами. Унциальное письмо, в основе которого лежит стремление к абсолютной равномерности знаков, достигало под пером вышколенных виртуозов-каллиграфов действительно изумительной правильности и выдержанности. Рукописи, изготовленные подобными мастерами графики, были, конечно, менее всего рассчитаны на широкий круг покупателей. Те немногие, которые могли их приобретать или заказывать, обращались с ними почти как с сокровищами. Крепостническая аристократия требовала для своей книги, прежде всего, роскошной внешности, и

великолепное унциальное письмо сполна отвечало этой потребности. Наряду с пышными «изданиями», предназначенными для знати, существовали, конечно, и более дешевые, но их письмо, в общем и целом, представляло только второстепенную редакцию того же унциала господствующего книжного письма господствующего же класса. Первые определенные предшественники этого мучительно выдержанного письма датируются III в. н. э., временем зарождения нового эксплуататорского класса, подобно тому, как к III же столетию относятся и первые проблески минускульного курсива в деловом письме. В IV в. и отчасти V в. унциальные формы, при всей своей искусственности, отличаются еще достаточной простотой, в противоположность тяжелой роскоши следующих столетий. По существу своему, однако, унциал был только утрированной каллиграфической редакцией демократической графики, графики не лигатурной, рассчитанной на массового читателя. С утверждением нового общественного строя такое письмо с отдельными буквами, как унциальное, являлось уже, в сущности, пережитком предшествующей эпохи. Тренированные грамотеи средневековья, в узком кругу которых замкнулась теперь книжная письменность, могли обходиться и более удобным для пишущего видом графики, подчищенным лигатурным курсивом. Но пока длился процесс умирания рабовладельческого строя в недрах крепостнического общества, пока культура древности тяготела традиционным образом над идеологией нового общества, громоздкая редакция античной графики, унциальное письмо, продолжала влачить свое существование.

Со вступлением процесса феодализации в заключительную фазу и соответственным ослаблением влияния пережиточной античной цивилизации на византийскую создавалась почва для реформы книжной графики. После глубокого упадка литературы в VII в. вырисовывается постепенно новая пора ее подъема. Это становится особенно заметным в IX в., когда вокруг открытой в Константинополе высшей школы группируются представители феодальной учености. Оживление письменности выдвинуло в VIII–IX вв. требование на более удобную графику, чем кропотливый унциал. Тогда обратились к деловому письму, подчистили его и перенесли в книгу. К VII–VIII вв. деловое византийское письмо завершило свое развитие: теперь оно являлось вполне развитым лигатурным курсивом, свободным от детализации и угловатостей внутри строки, с длинными надстрочными и подстрочными «хвостами» и округленными «тельцами» букв. В конечном итоге, в качестве нового книжного письма выбрали наиболее четкий, прямой и одновременно мелкий почерк делового пошиба, хорошо известный нам из папирусов начала VIII в., стилизовали его, и новое книжное письмо, минускул, был готов. Древнейшая датированная минускульная рукопись относится к 835 г., но уже в X в. победа минускула над старыми унциалами была решена бесповоротно. В X и XI вв. унциал сохранялся еще по традиции, главным образом, в богослужебных книгах, но в это время он был уже чисто искусственным письмом.

К XII в. унциальные рукописи совершенно прекращаются: в дальнейшем унциал (?) сохраняется в книгах лишь в виде орнаментального письма для заголовков. Великолепные минускульные рукописи IX–X столетий не уступали лучшим унциальным по внешней красоте: одновременно лигатурный, беглый минускул представлял бесконечно большее удобство для опытного писца, чем унциал. По сравнению с этим последним, не говоря уже о школьном и книжном письме античности, минускул невыгодно отличался трудностью овладения его лигатурно-курсивной графикой, как в отношении чтения, так и в отношении письма. Но для привилегированных искусственных грамотеев все это не представляло никаких трудностей и сторицей искупалось удобствами письма. Для человека же, не прошедшего длительного курса обучения, не приобретшего в минускуле навыка путем долгой и постоянной практики, этот последний представлял исполинские трудности для его понимания и усвоения. Минускул вполне отвечал потребностям и возможностям верхов феодального общества, был их классовым, аристократическим письмом, не доступным угнетенным массам.

Чрезвычайно любопытную антитезу истории византийской графики представляют

судьбы того же греческого письма у туземного населения Египта. Коптское письмо представляет собою греческий алфавит с добавлением для звуков, отсутствовавших в греческом, пяти или шести специальных букв, полученных путем стилизации из соответствующих знаков старого туземного письма — демотики, и одной графемы для слога «ти», также демотического происхождения. Древнейшие образцы коптского письма восходят ко II в. н. э., но расцвет коптской письменности падает на раннее средневековье. Зависимость коптских пошибов от греческих в отношении образования форм несомненна¹, но также несомненно и своеобразие коптской графики. Характернейшая особенность этой последней, по сравнению с греческой, кроется в слабом развитии в ней лигатур. Деловое коптское письмо достигает в некоторых папирусах значительной степени связанности и беглости, но наряду с такими почерками в огромном количестве текстов представлены деловые почерки совершенно иного вида, нелигатурные, с отдельными буквами. Еще существенней для нашей темы то обстоятельство, что книжное коптское письмо от раннего средневековья и до наших дней было и остается унциальным письмом, без лигатур. Греческое письмо на коптской почве так и не дало минускула. Чем же объясняются эти коренные отличия от византийского пути развития? Туземное египетское население в раннее средневековье распалось, в основном, на крепостных, мелких свободных производителей и монахов. Господами в стране были иноземцы: византийцы и затем арабы, давившие в различной степени на все слои туземного населения. Деловое коптское письмо разрабатывалось не в государственных канцеляриях, не писцами высокой квалификации. Писали им, в первую очередь, скромные деревенские, городские и монастырские писцы, не искушенные в беглом, но замысловатом лигатурном курсиве своих привилегированных греческих коллег. Значительной массе коптских писцов приходилось довольствоваться элементарным письмом с отдельными буквами, и только некоторые, хотя и достаточно многочисленные, грамотеи овладевали в той или иной мере беглой лигатурностью византийского делового пошиба, перенося ее и в свой туземный вариант греческой графики. Аналогичными причинами обуславливалась и «архаичность» книжного письма. Образованный слой приниженого коптского населения не мог, понятно, стоять на той же культурной высоте, что и привилегированные византийские грамотеи. Если отдельные туземцы и владели в совершенстве греческим минускулом, то для остальных грамотных коптов-читателей, а, вероятно, и переписчиков, он представлял бы, надо думать, величайшие трудности для понимания и усвоения. Этим объясняется сохранение коптами для своей книги унциального письма с отдельными, но лигированными буквами. При этом характерно, что «коптский» унциал — далеко не то же, что классический византийский, изысканное и прихотливое письмо знати. Если до нас и дошло значительное количество образцов унциальных коптских рукописей в византийском стиле, то характерный «коптский» (?) унциал, по всей вероятности, — не что иное, как «канцелярское письмо, превращенное в книжное». Помпезная каллиграфия византийского унциала была не по средствам коптской книге.

Изложенное понимание истории греческой графики в древности и в раннее средневековье позволяет нам быть краткими при обзоре процесса «минускулизации» в латинском письме. Как отмечено было в начале статьи, памятники римских книжного и делового пошибов сохранились более чем в скудном количестве, и только аналогия греческого письма позволяет должным образом оценить то немногое, что уцелело.

Папирусный фрагмент, найденный в Геркулануме и содержащий отрывок поэмы, посвященный битве при Акции, может служить нам прекрасным образчиком графики рядовой латинской книги в относительно цветущую еще пору римского общества (папирус датируется временем между 31 г. до н. э., годом битвы при Акции, и 79 г. н. э., годом разрушения Геркуланума извержением Везувия). Перед нами письмо, сочетающее в себе изумительным образом легкость линий и большую беглость с чрезвычайной четкостью

---

¹ Были попытки использовать в качестве книжного письма наклонный и более крупный деловой почерк, но они не имели прочного успеха.

форм. Лигатуры нет и в помине: знаки разделены значительными промежутками, а слова даже точками; формы букв угловатые, резко индивидуальные, позднейшая унциальная округлость, несмотря на всю беглость графики, совершенно отсутствует.

Римское деловое письмо чернилами в первые три столетия н. э. как в папирусах, так и на твердых поверхностях отличалось от делового греческого слабым развитием лигатуры. Тем не менее, многие знаки поражают своей упрощенностью, доходящей до совпадения различных по значению форм: курсивные *B* и *D* обычно далеко отходят от монументальных и книжных написаний. Во многих почерках обращает на себя внимание непомерная длина по вертикали значительного количества букв: эта особенность, хотя и не имеющая ничего общего с надстрочными и подстрочными отростками развитого лигатурного курсива, выброшенными за недетализируемую связную строку, заполненную во всю высоту «тельцами» букв, свидетельствует о быстроте и размашистости руки, «не располагающей временем» на выписывание детализированных букв таких же небольших размеров, как и недетализированные. При всем этом латинский курсив являлся беглым написанием монументальных книжных форм: иногда его справедливо называют «капитальным» курсивом — по родству его с капитальными формами букв. Несмотря на то, что римский курсив, нелигатурный по существу, поддавался бесконечно легче усвоению, чем лигатурный греческий, мы находим и на латинской почве градацию почерков от элементарного школьного пошиба, с выписанными основными формами, и до чрезвычайно беглых, с едва намеченными знаками.

В этом отношении особенно поучительны помпеянские граффити, дающие в изобилии образцы сосуществовавших одновременно массовых почерков.

Пока существовала народная письменность, пока курсивная графика была общественно связана с основными элементарными формами и не могла от них оторваться, до тех пор в латинском деловом письме не могло быть речи о развитии лигатурного курсива. Однако в IV в., с закрепощением прежних свободных и концом рабовладельческой демократической письменности, картина резко меняется. Если древнее римское деловое письмо далеко отставало от современного ему греческого в отношении лигатуры, то теперь оно с изумительной быстротой нагоняет своего восточного собрата. При этом трансформация идет в определенном направлении: не по линии простого лигирования старых знаков, а в сторону развитого лигатурного курсива. Латинское деловое письмо IV и особенно VI вв. представляло такой же минускульный курсив, как и византийское: с лигатурной строкой, свободной от внутренней детализации по вертикали и угловатостей, с длинными отростками вверх и вниз и округленными «тельцами» букв. Латинский минускульный курсив IV–VI вв. настолько напоминает современный ему греческий даже во второстепенных моментах, что невольно напрашивается мысль, что общим тенденциям западного и восточного курсива в эту эпоху позволила оформиться одинаковым образом тесная связь, в которую вступила на почве Византии римская государственность с поздним эллинизмом.

В этот период в книжной латинской графике возобладали ультракаллиграфические пошибы, подобные греческим. Латинская книга развивает теперь максимальную помпу в материальном плане (тонкий пергамен) и оформлении. Утрированная каллиграфия выливается в ряд кропотливых пошибов: капитальный квадратный, имитирующий монументальную эпиграфику, капитальный рустический, подражающий так называемому «актовому» письму древности, письму античных каллиграфических книг и документов на папирусе, засвидетельствованному также на металле и в более беглых надписях, и круглый унциальный — подлинное книжное письмо начинающегося средневековья, — восходящий еще к III в. н. э. Эти изысканные и пышные пошибы, примененные с исключительным мастерством, со строгим соблюдением равномерности и выдержанности графической картины должны были служить внешнему великолепию книги господствующего класса — крепостнической аристократии. Но при всем том перечисленные виды книжного письма, даже самый беглый из них — унциал, оставались только

каллиграфической утрировкой старого демократического письма с отдельными буквами.

Отмирание античности на Западе шло куда быстрее, чем в Византии, соответственно, и власть традиционной античной культуры, в частности, ее письменность, над идеологией рушилась здесь быстрее, чем на Востоке. И вот уже в V в. появляются книги, написанные буквами, почти сплошь совпадавшими по своему типу с написаниями развитого лигатурного курсива, хотя и стилизованными еще по возможности под унциал. Это письмо, полуунциал, который иногда называют докаролингским минускулом, можно было бы считать заключительной фазой «минускулизации» графики, если бы не известная робость его минускульных проявлений под влиянием унциального пошиба. Смешанный тип книжной графики, соединение каллиграфических и книжных форм мы находим еще в III в. н. э. В остатках папирусной рукописи Ливия (дешевом издании или копии для собственного употребления, вроде древнегреческих курсивных книг?), но здесь еще не может быть речи о минускуле. Полуунциал же в случае большинства букв избегает вертикальной детализации и угловатости внутри строки путем выведения надстрочных и подстрочных и округления «телец» знаков во всю ширину строки. Зависимость полуунциала от унциала выражается в случаях внутрисклонной детализации знаков, не вполне, впрочем, изжитой и в позднейших написаниях, а также в сохранении существенной доли напряженной равномерности в графической картине и в значительном предрасположении к разобщенности знаков.

Если отвлечься от этих второстепенных элементов, то в лице полуунциала мы имеем уже подлинное минускульное книжное письмо. Так, одна из форм каллиграфической стилизации развитого лигатурного курсива, каролингского минускула IX в., явилась только наиболее удачным продолжателем минускульных традиций в книжной графике средневековья, нашедших свое продолжение уже в полуунциале. На долю каролингского минускула выпала и окончательная победа над пережиточными видами маюскульного письма. Остановиться на истории образования каролингского минускула, ввиду сложности ее, требующей специальных занятий, у автора нет здесь возможности, как это и было отмечено в начале статьи.

Каролингский минускул явился результатом графического развития периода раннего средневековья, времени аристократизации письменности, и даже в случае полной отдельности букв был, по существу своему, нелигатурной стилизованной редакцией развитого лигатурного курсива. Сохранил ли он отпечаток аристократичности, лежавшей на нем в момент возникновения, и после превращения его в печатный шрифт?

Ответ на это может дать только всестороннее изучение дальнейшей истории минускула и его современного использования в школе, печати, графической практике. Здесь же я позволю себе лишь обратить внимание на то, что основная черта минускула — результат его происхождения из развитого лигатурного курсива, обезличенность букв, неопределенность, ненаглядность, слабая дифференцированность их очертаний, сохранилась, в сущности, нетронутой в латинском шрифте до наших дней. Достаточно сравнить между собой хотя бы формы целого ряда букв, чтобы эта особенность печатного минускула стала очевидной. Отличие в данном пункте феодального минускула от античного маюскула окажется с достаточной ясностью не в пользу первого, если мы сопоставим хотя бы несколько пар букв с соответствующими маюскулами. Это хорошо проиллюстрировало бы общую обезличенность, ненаглядность и неопределенность очертаний минускульной латинской графики. Искупается ли этот недостаток минускульного письма какими-нибудь другими свойствами, позволяющими пренебречь отмеченными явлениями, — ответить на это — дело будущих исторических и практических исследований.

V

Наш обзор тысячелетнего развития греко-римской письменности, от античной графики к феодальному минускулу, был бы неясен без учета сходных процессов в семитическом алфавитном письме, протекавших одновременно с трансформацией классической графики и в том же средневековом мире. В начале статьи уже говорилось

о важности параллельного изучения античной и семитической письменностей в методологическом отношении, и были отмечены те трудности, которые стоят на пути такого изучения в связи с неразработанностью социальной истории древнего и средневекового Востока. К этому следует еще добавить, что значительные трудности создает еще и отсутствие сколько-нибудь разработанной палеографии семитических письменностей интересующих нас периодов. Поэтому в настоящей работе нам придется ограничиться констатацией (?) и посильным объяснением основных сходств и различий в истории обеих групп древних алфавитных письменностей и попыткой наметить общий ход графического развития семитических алфавитов под углом зрения нашей проблемы. Во избежание недоразумений я должен здесь оговориться, что, сравнивая графическую историю семитического и античного алфавитов, я имею в виду не внутреннее развитие той или иной отдельной семитической письменности, а общее развитие всех семитических письменностей в целом, слагающееся из последовательных видов национальных письменностей. Исследования проф. В. В. Струве в области древневосточной истории все с большей убедительностью вскрывают огромную роль рабского труда в хозяйстве древних переднеазиатских и африканских обществ, и мы можем с большой вероятностью говорить о сиро-палестинских государствах и Карфагене, как о подлинных рабовладельческих обществах. Насколько позволительно судить на основании доступного материала, общественный строй не только рабовладельческих царств, но и карфагенской республики², отличался значительно более аристократическим характером, нежели строй греческого и римского обществ после окончательного перехода их на рельсы рабовладельческого хозяйства. Прочное господство в древневосточных царствах и республиках аристократической верхушки над остальной массой свободных, естественно, понижало общественную и культурную активность последней и не могло способствовать широкому распространению таких массовых видов письменности, как античные книга и особенно надпись, вызванные к жизни общественной активностью и культурными запросами свободных масс рабовладельческих демократий. Это различие между древним Востоком и классической древностью находит, конечно, свое выражение и в истории графики. Если в греческом и римском обществах письмо сохранило облик четких и отдельных букв, а с развитием делового курсива противостояло ему до известной степени, как специфический вид графики, по необходимости каллиграфически ясный в силу своего массового назначения, то развитие древнесемитических алфавитов представляет в отношении сосуществующих графических типов куда более однородную картину. Различия в беглости, к которым, в сущности, сводятся все типологические различия внутри античных письменностей, в случае древнесемитического монументального, книжного и делового пошибов были настолько несущественными, что все они вместе представляются одним графическим потоком при ведущей роли делового пошиба, несоизмеримо более актуального в аристократических древневосточных обществах, чем все остальные.

При изучении функциональных типов древнесемитической графики мы сталкиваемся с существенной трудностью в виде скудости, а зачастую и полного отсутствия образцов книжного и делового письма чернилами на мягких материалах, но это препятствие все же не представляется непреодолимым, и отмеченная однородность пошибов позволяет и по эпиграфическим памятникам реконструировать с достаточной определенностью цельную картину графического развития.

От крупнейшей рабовладельческой республики восточной древности, Карфагена, и туземного населения римской Африки до нас дошли многочисленные надписи на камне и сравнительно очень немногочисленные записи чернилами, короткие тексты, нанесенные на предметы. В граффити мы находим более беглые формы, чем в одновременных монументальных текстах, встречаемся с отдельными случаями лигатур, но, тем не менее,

---

² За исключением самого позднего периода ее истории, как на то обращает мое внимание проф. В. В. Струве.

письмо каменных надписей воспроизводит с полной ясностью основную линию развития беглого письма, будучи, по существу, лишь перенесенным на камень курсивом. Пунический алфавит, письмо богатой и могущественной рабовладельческой республики, обнаруживает в надписях все черты размашистой беглой графики. Эта особенность пунического алфавита становится особенно заметной при сравнении его с более ранним и степенным видом того же письма — финикийским. Пуническое письмо обслуживало куда более сложную и развитую хозяйственную и государственную жизнь, чем финикийское в старом Тире и Сидоне, и писать им приходилось быстрее и чаще. Когда же в последние столетия до н. э. Карфаген и завоеванная римлянами Африка включились в условия все возраставшего географического охвата эллинистического и римского мира и в подлинно мировую по тогдашним масштабам торговлю, из прежней пунической графики развился значительно более беглый новопунический дуктус, воспроизведенный, опять-таки, вскоре каменными надписями эпохи. Последнее тем более характерно, что новопунический алфавит представляет собою крайнюю степень курсивности. Камень передает эту скоропись в обличи типично чернильной графики, притом настолько беглой, что прежде различные, а теперь стершиеся от быстрого письма формы зачастую сливаются в одном начертании. Развитие финикийского письма в пуническое и затем в новопуническое, прослеживаемое на эпиграфическом материале, наглядно показывает, что графика надписей только воспроизводила формы делового письма. Если же наиболее консервативный вид письма, монументальный, повторял, лишь в более строгом начертании, курсив, то книжное письмо, конечно, не могло отличаться ничем существенным от этого последнего. Такое положение в каллиграфическом, монументальном письме характерно: никакого специального пошиба для надписей и книг, существенно отличного от беглого письма деловой жизни, не существовало, поскольку надпись и книга не имели у пунов того широкого массового назначения, которое было свойственно им в греко-римской античности. Монументальная и книжная графика плетутся в хвосте делового письма, которому и принадлежит ведущая роль. Можно говорить лишь о хронологическом отставании первых от последнего³. Но если олигархическая карфагенская республика и подневольная римская Африка не представляют собой пунической демократии в античном смысле, то все же нельзя забывать о привилегированном положении свободного туземного населения, противостоящего классу непосредственно или косвенно эксплуатируемых им рабов. У нас нет поэтому никаких оснований представлять себе основную массу свободного пунического населения неграмотной: напротив, постоянное участие, хотя бы в ограниченной мере, в политической и общественной жизни при развитости денежного хозяйства позволяет предполагать широкое распространение грамотности. И действительно, мы находим не только в пуническом, но и в новопуническом письме господство самостоятельных, не связанных лигатурой буквенных форм, пускай уже сильно упрощенных графически, но, тем не менее, приспособленных даже для простого лигатурного письма, не говоря уже о развитом лигатурном курсиве. Знак может сокращаться до какой-нибудь запятой, черточки, крючочка, крестика, как мы это видим в новопунической графике, и, однако, обычно никак не связывается с другими и никогда не образует с ними связанной лигатурной строки. Перед нами явление, во многом напоминающее античный курсив, особенно латинский, и прекрасно объясняющее, по аналогии с классической древностью, применение письма широкими массами свободных. Эти последние обучались отдельным, самостоятельным буквам, затем, в зависимости от обстоятельств, один писал больше и быстрее, другой меньше и медленнее, передавая, соответственно, с той или иной степенью беглости и самые начертания знаков. Об образовании в деловом письме развитого лигатурно-курсивного пошиба в условиях такой массовой письменности не могло быть и речи.

Аналогичное положение находим мы и в восточном эквиваленте пунического

---

³ Возможно, что сохранение на некоторое время более ранних и четких форм букв в качестве монументального и книжного письма объясняется известной демократичностью позднего Карфагена. Новопуническая скоропись восторжествовала в надписях после падения Карфагенской республики.

письма — арамейском алфавите. Если первоначальные формы последнего мало чем отличаются от древнепалестинского и финикийского пошиба, то превращение арамейского письма в ассирийской, нововавилонской и, особенно, персидской империях в международное деловое письмо восточного Средиземноморья сказалось в максимальном упрощении его графики. Распространение арамейского алфавита шло параллельно с ростом торговых связей в Передней Азии, сплачивавших ее в одно целое. Богатая деловая письменность на папирусе, развившаяся с ростом денежного хозяйства, требовала быстрого и удобного дуктуса, и арамейские папирусы V в. до н. э. обнаруживают уже богатую беглость и стертость графических форм.

Как и в новопуническом алфавите (хотя в несколько меньшей степени), формы некоторых знаков настолько нивелированы, что почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, арамейское письмо в том виде, в каком оно предстает перед нами в папирусах V в., еще не лигатурное: за исключением отдельных случаев тесного сближения букв, знаки, как правило, отделены друг от друга четкими промежутками. Таким образом, в эпоху роста денежного хозяйства семитический алфавит, как в своем западном (пуническом и новопуническом), так и в своем восточном (арамейском) ответвлении, не обнаруживает никаких тенденций к развитому лигатурному курсиву. Было бы соблазнительно такую «консервативность» арамейского письма объяснять также относительно большим распространением грамотности в тех слоях свободного населения персидской империи, которые пользовались этим письмом. С другой стороны, отсутствие античной демократичности внутри господствующего класса, в общественных взаимоотношениях свободных, мешало, как и на пунической почве, сохранению и дальнейшему развитию надписью и книгой специальных, нарочито четких видов графики, рассчитанных на широкого массового читателя. Арамейская надпись и книга не могли иметь того общественного значения, которое каменная письменность и литература приобрели в античной рабовладельческой демократии при широких общественных, политических и культурных возможностях свободных масс. Но если арамейская надпись и книга не имели большого общественного значения, то и графика их, соответственно с этим, должна была плестись в хвосте у письма, имевшего такое значение в условиях сложной экономической, юридической и административной жизни, — в хвосте у делового письма. Поэтому монументальная и книжная арамейская графика являлась, в сущности, таким же перенесенным на камень и в книгу деловым курсивом, как и письмо новопунических надписей.

Подъем международной торговли в новых расширенных рамках греко-восточного мира и затем Римской империи должен был отразиться и на письме восточно-семитических народов, втянутых во всепрогрессирующий обмен. Квадратное еврейское письмо, выработавшееся в последние столетия до н. э., являет собой дальнейшую ступень курсивизации арамейского алфавита. Хвосты ряда знаков, в арамейском письме заходившие еще намного ниже нижних частей других букв и тем самым далеко отводившие перо пишущего от последнего знака, загибаются на уровне нижних оконечностей букв, не заходящих под «строку», так что концы хвостов приходятся уже совсем близко к следующим буквам, и графический переход от знака к знаку значительно облегчается. Однако в квадратном еврейском письме, как в его монументальном, так и в книжном виде, действительное лигирование букв путем сращения хвоста предшествующего знака с первой чертой последующего составляет еще только частное явление. Как обстояло дело с деловой разновидностью этого письма в интересующий нас период (последние века до н. э. — первые века н. э.), судить довольно трудно за отсутствием соответствующих конкретных материалов. Основываясь на дедуктивных выводах из позднейшей истории еврейского письма, можно считать, что деловая разновидность вряд ли отличалась чем-нибудь существенным от монументальной и книжной. Протосирийское письмо, представленное вообще более чем скудно, кажется, недалеко ушло от квадратного в отношении лигирования знаков, и аналогичное положение находим в подавляющем большинстве пальмирских

надписей, а также в ранней набатейской эпиграфике, развивающей, однако, вскоре затем более беглые виды письма. Но и в более поздних набатейских надписях употребление лигатуры не достигло еще тех размеров, какие оно приобрело в позднейшей сирийской графике, хотя, тем не менее, постепенное усиление лигатурности набатейского письма за первые столетия н. э. несомненно. Характерно, что в пальмирском алфавите стремление к беглости было свойственно только одному пошибу, тогда как другой его пошиб продолжал употреблять сравнительно детализированные буквы. Оба пошиба изучались по эпиграфическим памятникам, но можно думать, что первый из них представляет деловой, а второй — книжный пошиб. Что в Пальмире, этом средоточии восточной торговли поздней Римской империи, мог развиваться очень беглый деловой дуктус, очень понятно. Но чрезвычайно показательным (если справедливо мнение о книжном происхождении второго эпиграфического пошиба), что даже в эту эпоху упадка древнего общества книга сохраняет и разрабатывает хотя и вычурный и приукрашенный, но все же достаточно детализированный вид графики. Употребление же для монументальных надписей одновременно двух различных и притом не эпиграфических, почерков лишней раз указывает, насколько незначительна была на семитическом Востоке роль надписи, как массового вида письменности, по сравнению с греко-римской древностью.

Двойственность пальмирского алфавита как бы отражала последние малоудачные потуги древневосточной рабовладельческой «полудемократии» сохранять сравнительно детализированную графику наряду с курсивностью. Победа крепостнических начал, дальнейшее развитие феодализации, превращение основной массы свободных в крепостных — все это должно было коренным образом изменить графику, поскольку грамотность в обществе падала, и письменная культура становилась достоянием узкого круга грамотеев.

Относя гипотетически начало крепостнического периода и в Сирии примерно к IV в. н. э., мы получим объяснение торжеству здесь лигатурной графики, родственной «деловому» пошибу Пальмиры, и полному исчезновению ее «книжного» письма. С обычной точки зрения, полагающей, что любое развитие письма в сторону беглости вызывается только ростом общественной потребности в быстром дуктуса, в связи с усложнением жизни общества, победа на семитической почве лигатурно-курсивной графики в эпоху сужения деловой жизни представляется загадочной. Но если к этому явлению подойти под углом зрения результатов, добытых при изучении греко-римской графики, можно будет предположить решение и этой загадки. Письмо греческих и римских книг IV в. н. э. имело за собою долгие века существования в качестве специфической графики, нарочито четкой ввиду массового значения книги в демократической античности. Античная книжная графика не могла погибнуть так скоро, как древняя семитическая с отдельными буквами, поскольку семитическая письменность никогда не знала за книгой подобной функции. Когда с утверждением крепостнического строя и падением грамотности письмо стало достоянием тренированных грамотеев и книжников, развитие и торжество беглого лигатурного дуктуса, удобного для квалифицированного писца и понятного для квалифицированного читателя, было обеспечено. И нет ничего удивительного в том, что первоначальное лигатурное письмо сирийского средневековья, эстрангело, очень скоро получило конкурента в лице еще более беглого и лигатурного письма, яковитского курсива, которое через несколько веков после своего возникновения получило уже решительный перевес. Типологически эстрангело и яковитское письмо в значительной мере приближаются к каллиграфическим стилизациям развитого лигатурного письма. Путем вынесения над и под строку частей букв в виде выступов и отростков избегается детализация внутри строки, и в этом сходство книжных сирийских пошибов с минускульными. Но «кропотливая» угловатость форм внутри строки, особенно заметная в более раннем эстрангело, свидетельствует о том, что курсивная лигатурность, несмотря на взаимную связанность букв, не овладела еще окончательно дуктусом, и в этом коренное отличие сирийских пошибов, и, в первую очередь, эстрангело от минускульных. Эти последние, даже переданные без лигатур, отдельными буквами, представляют стилизацию округлых форм развитого лигатурного курсива. Сирийской

письменности не было суждено развить до конца лигатурно-курсивные тенденции средневековой графики. В Сирии господами положения были не туземцы, а арабы. Грамотеи из среды сирийцев, за известными, хотя и многочисленными, исключениями, не могли, чем дальше, тем больше, по своему культурному уровню равняться с привилегированными арабскими грамотеями. При таких условиях и сирийское письмо не могло развиваться до полной лигатурной беглости: в яковитском пошибе оно сохраняло некоторую угловатость и удерживало лигатуру в строгих границах общей прямой линии, что делало письмо более элементарным и доступным, по сравнению с позднейшим арабским насхи, в котором строка уже совсем не поддается расчленению, вследствие округленности буквенных основ и неотделимых от них лигатурных кривых. На более ранней ступени развития, чем сирийское, остановилось квадратное еврейское письмо, сохранившее, следовательно, более демократический облик. Широкое распространение грамотности в еврейской общине не позволило развиваться здесь лигатурно-курсивному пошибу, поскольку такое письмо было бы мало доступно рядовому члену общины. Перераста в развитой лигатурный курсив, не стесняемый больше прямолинейностью лигатуры и угловатостью форм, как в сирийской графике, семитическое письмо могло, только став письмом привилегированных высококвалифицированных грамотеев, став письмом господствующего класса феодального общества. Таким письмом семитический алфавит стал на арабской почве. Арабские завоеватели, создавшие свое феодальное государство, охватившее большую часть средиземноморского мира, создали и подлинно феодальное письмо, развитую лигатурно-курсивную форму семитической графики.

История арабского алфавита в домусульманский период еще далеко не выяснена. Следы применения его до VII в. н. э. крайне скудны, но во всяком случае уже в VI в. н. э. Он употреблялся в надписях. Что такая беглая графика, как арабская, построенная сплошь на принципе лигатур и безудержной нивелировки буквенных форм, могла развиваться самостоятельно у племен, не вполне еще преодолевших к VII в. родовой уклад, представляется маловероятным. Непосредственным «предком» арабского письма теперь обычно считают набатейское письмо, и генетическая связь с последним вполне возможна, поскольку письмо торгового центра северной Африки, Петры, получало, надо думать, широкое распространение среди окрестных и более отдаленных племен. Типологически же раннее арабское письмо представляет также стадию развития семитического алфавита, непосредственно примыкающую к сирийской графике. В надписях, на монетах и в пергаменах раннее арабское письмо, при всей своей близости к минускульному типу графики, еще свободно от пережиточных древних моментов, наблюдавшихся нами в более яркой форме в сирийском письме: детализация по вертикали внутри «телец» букв отсутствует, налицо надстрочные и подстрочные отростки, но при всем том письмо сохраняет определенную угловатость.

Последняя, хотя и в значительно меньшей степени, ощущается в округленном деловом курсиве. Неудобство угловатости, препятствующей беглости лигатурной графики, должно было ощущаться, прежде всего, в деловом письме, когда с завершением в первой половине VIII в. н. э. завоевания восточного, южного и западного Средиземноморья арабские феодалы и купцы оказались в центре сложной экономической жизни. Писцам, обслуживавшим деловую жизнь эпохи, нужен был более удобный, более беглый почерк, прежняя угловатость была уничтожена, и создавался вполне развитый лигатурный курсив. Этой трансформации Громан дает следующую сжатую характеристику: «В первой половине I в. хиджры начинается уже легкое изменение письма в сторону более круглых форм, как мы его обнаруживаем на паспортах 133 г. хиджры⁴, изданных Сильвестром де Саси, который, таким образом, мог обозначить письмо этих экземпляров, как насхи, — обозначение, которое хотя и не совсем оправдано, но может служить вспомогательным понятием, если этим сказать, что под ним следует понимать более гибкое, более свободное в своих формах письмо, примерно, в противоположность негибкому, угловатому, так называемому куфи... Столь характерное

⁴ 133 г. хиджры — 750/1 г. н. э.? А II в. хиджры — 718–815 гг. н. э.

для куфического письма старых коранов растяжение тельца букв "даль", "каф", "сад", "та" начинается в случае инициальной формы "каф" и медиальной формы "сад" уже в последней четверти I века хиджры⁵. Оно характерно для протокольного письма, и затем в течение II века хиджры становится все более общеупотребительным. К концу этого века письмо уже сильно округлено и приобретает все более единообразный отпечаток.

Более угловатые, негибкие формы сохраняются еще дольше в письме литературных папирусов... В актах и письмах письмо становится все более беглым и допускает во все большей степени неупотребительные раньше соединения отдельных букв и даже целых фраз между собою в одно графическое единство, создающееся вследствие того, что калам уже не отнимается при письме»⁶.

Таким образом, деловое письмо предстает перед нами в сильно округленном виде уже около 800 г. н. э. В литературных же папирусах старая угловатость сохраняется дольше. Налицо она еще в полуокруглом пошибе пергаменных рукописей IX в. н. э., но затем, на восточной арабской почве, она была окончательно вытеснена округлостью форм и в книжной графике. Торжество округлого почерка, насхи, в литературной книге падает на цветущий классический период арабской литературы. Опытные переписчики, ориентировавшиеся на тренированных читателей, с расцветом литературной письменности, естественно, стали развивать и в книге более быстрый, беглый пошиб. Насхи, уже вполне развитой литературный курсив, был удобен для письма и приемлем для чтения с точки зрения привилегированных грамотеев и книжников господствующего класса. Ультракаллиграфическая, утрированно прямолинейная, угловатая и кропотливая куфическая ветвь арабского письма, господствовавшая в коранах, не могла долго конкурировать с насхи, соединявшим удобство письма с изысканной каллиграфией, и вскоре после своего торжества в литературной книге насхи победил и здесь. В дальнейшем куфические строки попадают в коране лишь в качестве декоративного момента. Как и следовало ожидать, надпись, не игравшая существенной роли в феодальном обществе, последовала примеру книги. Угловатое письмо куфи, непосредственно примыкавшее к более ранним ступеням развития семитического алфавита, постепенно отступило перед округленным насхи в эпиграфике, и к XII–XIII вв. н. э. насхи водворился полноправным хозяином как в монументальных надписях, так и в легендах, на монетах и вещах. Всесторонняя победа насхи была торжеством классового письма феодалов над последними пережиточными отголосками древней графики.

В связи с арабским письмом следует упомянуть о южноарабской и эфиопской графике, пошедшей по иному пути развития.

Южноарабское письмо (вторая половина II тыс. до н. э.–VII в. н. э.) известно нам только по эпиграфическим памятникам. Насколько можно судить, древние южноарабские общества сохраняли еще много элементов демократии ранних периодов. Даже в эпохи известной приниженности крестьян эти последние посвящали надписи. Такое сравнительно большое значение надписи, как выразителя общественной жизни, сказалось в великолепных монументальных формах письма южноарабской надписи, почти напрашивающихся на сравнение с античными. Нелигатурный характер южноарабского курсива, по крайней мере, в граффити (монументальное письмо лишено лигатур), напоминает беглое римское и пуническое письмо.

История южноарабского письма обрывается на древней ступени развития. Средневековый вариант его мы имеем в лице эфиопского письма.

Эфиопское письмо, потомок южноарабского, вышедшее, быть может, из курсивного вида последнего, известно нам, начиная с IV в. н. э. Однако древнейшие памятники эфиопского письма сплошь эпиграфические. Рукописный материал имеется только начиная с XIII в. На почве своеобразной, но относительно простой общественной жизни Абиссинии не развилась беглая лигатурная графика вроде арабского насхи, обслуживавшего сложную

⁵ I в. хиджры — 622–718 гг. н. э.

⁶ Возможностью ознакомиться с этой книгой я обязан любезности академика И. Ю. Крачковского.

жизнь арабских обществ. Эфиопское письмо сохранило до наших дней свой древний облик письма отдельными буквами (с маленькими придатками и модификацией для передачи огласовки).

Что же дает изучение семитических письменностей для решения проблемы происхождения европейского минускула? Совместное рассмотрение семитических и греко-римских письменностей с точки зрения сходства и различия в их развитии может оказаться плодотворным для четкого осознания особенностей европейской графики.

Сходство в развитии обеих письменных групп заслуживает внимания. Совпадают не только линия развития от древней графики к средневековой, ее начало и конечный результат, но иногда даже второстепенные моменты. В основе как античных, так и древних семитических график лежат отдельные, не лигированные буквы, письмо широких масс свободных в рабовладельческом обществе. С началом средневековья развивается новое письмо, в основе которого лежит развитая курсивная лигатура со всеми вытекающими из нее требованиями, создается письмо, ориентирующееся на искусственных феодальных грамотеев. Конечный результат этого развития один и тот же, что на византийско-латинской, то и на арабской почве: минускул и насхи представляют стилизацию лигатурного курсива с надстрочными и подстрочными отрезками и округлостью форм. Курьезным образом даже даты процесса минускулизации совпадают: как на греко-римской, так и на сирийской почве развитой лигатурный курсив начинает разрабатываться с IV в. н. э., а торжество его стилизованной формы, минускула и насхи в западной, византийской и арабской книге падает на 800–900 годы н. э. Любопытно и то, что как греческое, так и семитическое письмо отстают в отношении минускулизации у тех народов, которые, в силу угнетенного положения, не имели значительного привилегированного слоя квалифицированных грамотеев: у сирийцев и особенно коптов средневековья графика остановилась на более древней и демократической ступени развития, чем у арабов и византийцев. Интересно, что даже такой второстепенный момент, как противоположность пышного византийского унциала и более скромного коптского, вышедшего, по всей вероятности, из «канцелярского» пошиба, находит себе аналогию в противоположности роскошных куфических дуктусов в раннеарабских коранах и сравнительно скромных сирийских почерков. К слову сказать, греческий унциал и куфи умерли как книжное письмо одновременно — примерно в XII в. н. э., сохранившись оба в качестве декоративного письма в книгах последующих столетий⁷.

На фоне подобного сходства между развитием греко-римского и семитического письма становится особенно знаменательным отличие семитической графики от европейской. Более аристократические древние семитические общества не знали той массовой письменности на камне и в книге, которую знала античная рабовладельческая демократия. Древнесемитическое эпиграфическое и книжное письмо плелось в хвосте более актуальной графики, делового письма, хотя это последнее в условиях широкого применения письма свободными отнюдь не превращалось в развитый лигатурный курсив, оставалось в основе своей нелигатурной графикой. Преобладание делового письма вело к тому, что его формы, делавшиеся со временем все более усеченными, становились основным видом графики, образовывали последовательные виды семитического алфавита. Процесс минускулизации застал семитические буквы уже в таком усеченном виде, что развитая курсивная лигатура должна была неминуемо привести их к окончательной нивелировке, что мы и находим в классическом арабском письме. Наоборот, в греко-римских рабовладельческих демократиях при огромном массовом значении каллиграфически четкой надписи и книги, основные подробные формы графики сохранились и развивались, не усекались в угоду деловому пошибу, но оставались основным письмом широких масс свободных. Когда в классических письменностях начал вырабатываться развитый лигатурный курсив средневековья, ему пришлось иметь дело не с остатками прежних знаков, а с написаниями различных степеней беглости основных полных форм. В качестве нового

---

⁷ Сравнение унциала с куфи имеет здесь в виду только способ применения обоих пошибов в раннее средневековье, а не их структуру, поскольку куфи в отношении структуры напоминает минускул, а не унциал.

основного пошиба для деловой жизни общества развитый лигатурный курсив отправляется при своем возникновении, конечно, не от неразборчивых каракулей торопливых рук, а от более выдержанных почерков и, как мы знаем в случае Византии, в первую очередь, от каллиграфического пошиба правительственных канцелярий, на Западе и в Византии развитый лигатурный курсив освоил и приспособил к себе буквы в форме сравнительно полной и подробной и в таком виде закрепил их и в своем каллиграфически-стилизованном варианте — минускуле. Из того факта, что развитая лигатурно-курсивная графика Запада исходила из достаточно подробных форм античного курсива, проистекает величайшее преимущество латинского минускула перед арабским насхи, несмотря на то, что исторически оба представляют собой стилизацию развитого лигатурного курсива раннего средневековья. Это преимущество наглядно засвидетельствовано в наши дни латинизацией. Но если в современном латинском шрифте, в его минускульных, «маленьких» буквах, все то, что обуславливает его преимущество перед арабской графикой, сводится к античной, римской подоплеке, то не следует ли обратиться к этой последней в ее чистом, неискаженном виде? Вопрос о том, чему следует отдать предпочтение в латинском шрифте — «большим» античным буквам или «маленьким» минускульным, — вопрос, несомненно, сложный и многосторонний и не должен исчерпываться изучением генетики минускула, как бы важны ни оказались в будущем результаты такого исследования. Но и само изучение генетики минускула в социальной исторической плоскости еще только начато настоящей работой.

Ввиду важности работы автор должен со всей определенностью заявить, что не придает своей концепции, плоду годичной работы одного лица, притом не специалиста по средневековым письменностям, иного значения, как рабочей гипотезы, имеющей целью указать на возможность и необходимость разработки представленной проблемы представителями различных исторических дисциплин.

О. А. Добиаш-Рождественской, П. В. Ернштедту, акад. Ю. И. Крачковскому, О. О. Крюгеру, А. И. Малейну, Г. Ф. Церетели, взявшим на себя труд просмотра настоящей статьи и давшим много ценных указаний, автор считает своим долгом принести глубокую благодарность.